УДК 81'42

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ УМОЛЧАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О. А. Кукатова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Поступила в редакцию 6 декабря 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу речевой тактики умолчания в современном русском дипломатическом дискурсе. Материалом исследования послужили интервью, выступления и ответы на вопросы кадровых дипломатов, размещенные на официальном сайте МИД РФ (www.mid.ru). Рассматриваются содержательная сторона и средства языкового выражения данной тактики.*
Ключевые слова: *дипломатический дискурс, стратегии и тактики, коммуникативная цель, тактика умолчания.*

Annotation: *the article is devoted to the analysis of speech tactics of silence in modern Russian diplomatic discourse. The material of the study was interviews, speeches and answers to questions of personnel diplomats, posted on the official website of the Russian Foreign Ministry (www.mid.ru). The content side and means of linguistic expression of this tactic are considered.*
Keywords: *diplomatic discourse, strategy and tactics, communicative goal, tactic of silence.*

Особенности речевой коммуникации в рамках публичного дипломатического дискурса представляются недостаточно изученными по причине определенной закрытости дипломатического дискурса, а также отсутствия работ, дающих полную и исчерпывающую характеристику конститутивным признакам дипломатического дискурса. В рамках данной работы дипломатический дискурс будет рассмотрен как особая форма коммуникативной деятельности. Специфика контекста и специфика адресата в дипломатическом дискурсе — широкая массовая аудитория либо равный, подготовленный и обладающий информацией партнер — определяет социальную модель взаимодействия, возможность реализации поставленных целей. Выбор речевых стратегий и языковых средств непосредственно зависят от степени развития языковых личностей, участвующих в общении [1, С. 48—49].

Целью работы является выявление репертуара языковых средств, репрезентирующих тактику умолчания в рамках митигативной стратегии в публичном дипломатическом дискурсе. Вслед за целым рядом исследователей, под речевой стратегией мы понимаем общую направленность речевого поведения говорящего, ведущую к достижению той или иной коммуникативной цели, под тактикой — необходимые шаги для достижения данной коммуникативной цели [3, 18; 4, 54; 5, 8—9].

Одна и та же речевая стратегия, представленная в различных дискурсах, в частности, стратегия митигации (термин был введен в 1980 году американским лингвистом Б. Фрейзером и трактовался им как процесс модификации речевого акта, направленный на уменьшение возможных нежелательных эффектов (unwelcome effects) в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может привести к коммуникативному сбою или даже конфликту), может иметь различные формы своего языкового проявления. По мнению С. С. Тахтаровой, митигативная стратегия направлена «на сохранение коммуникативного баланса в межличностной коммуникации» [6, 6], который в потенциально конфликтной ситуации может быть сохранен за счет снижения уровня конфликтности и категоричности.

Одной из тактик, направленных на достижение коммуникативной цели в рамках митигативной стратегии, является *тактика умолчания.*

Е. Иванян определяет умолчание следующим образом:«*мнимая* неопределенность, поскольку при употреблении названного значения адресант совершенно определенно **знает**, о каком предмете, признаке, явлении действительности идёт речь. Следовательно, мнимая неопределенность сигнификативной ситуации (предмета, признака, положения дел) базируется на фактической определённости» [7]**.** Абсолютное понимание говорящим умалчиваемого в речи говорит о *намеренной недосказанности.*

Говорят о двух видах умолчания: 1) собственно умолчания и 2) умолчания-намека [7]. Собственно умолчание приравнивают к недоговариванию конца фразы, «предполагающее для слушающего или читающего догадаться, что именно осталось невысказанным» [8: 485]. Например: ***Вопрос:*** *Препятствует*

© Кукатова О. А., 2018

ли тема транскаспийского газопровода (ТКГ) поиску согласия по правовому статусу Каспия? ***Ответ****: Видеть в теме ТКГ главный камень преткновения на переговорах по Конвенции — это расхожее заблуждение. По нашим ощущениям, проблематика строительства магистральных трубопроводов на Каспии искусственно раздувается.* ***Но только не самими прибрежными государствами»***, где тактика собственно умолчания реализуется с помощью использования отрицательной конструкции ***не + субъект действия, а ...,*** вторая часть которого (***а ...***) имплицирована. Таким образом, мы наблюдаем отрицание субъекта переговорного процесса, а настоящий субъект действия (тот, который искусственно раздувает) не назван. Правильное понимание таких высказываний, как правило, требуют наличия у адресата фоновых знаний, связанных со знанием описываемой проблематики (в данном случае, проблематики правового статуса Каспия).

Другой пример прямого эксплицитного отрицания: дипломат совершенно обоснованно использует тактику прямого отрицательного ответа по причине его некомпетентности в данном вопросе: *Более подробно ответить на вопрос, касающийся складывающейся в Македонии ситуации,* ***не могу,*** *поскольку он выходит за рамки моей компетенции и его следовало бы адресовать послу России в Скопье.*

ТАКТИКА УМОЛЧАНИЯ-НАМЕКА

Намек — ‘слово или выражение, в котором мысль высказана неясно, не полностью и может быть понята лишь по догадке’ [9]. Как видно из словарной дефиниции, намек заставляет слушающего догадываться, о чем же на самом деле идет речь или кто (что) имеется ввиду) традиционно относят к числу способов *косвенной* передачи информации, где в качестве обязательного содержится имплицитный смысл, который при правильном понимании должен быть извлечен слушающим [10, 669; 11, 48].

Вслед за И. Ю. Артемовой мы будем придерживаться широкого понимания термина *намек* как способа, направленного на передачу «интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчетом на их извлечение последним в виде импликаций» [12, 8].

В публичном дипломатическом дискурсе умолчание-намек используется как одно из средств митигации, позволяющих дипломату избежать напряженности либо категоричности в оценке событий, фактов, опираясь на фоновые знания коммуникантов прежде всего с целью 1) неявного **указания** на каких-либо участников дипломатической коммуникации, положение дел, 2) их **неназывания,** 3) смягчения ситуации **осуждения.**

Анализ материала показывает, что способами выражения тактики намека в устной форме публичного дипломатического дискурса является ряд языковых средств.

Одним из способов создания умолчания-намека является употребление неопределенных и указательных местоимений типа ***кто-то, где-то, у кого-то, какой-нибудь, тех, кто, не то, те, кто, некие, от тех, кто, эти*** и многих других, а также прилагательных и словосочетаний с неопределённой семантикой типа ***другие, различные, некоторые, группа избранных***, ***всяческое содействие***, ***целый ряд + Р.п., простые вещи***, ***конкретные моменты***, безусловно, содержащих имплицитный компонент и *указывающих* на лицо либо положение дел. Например: *Получается, что если* ***где-то что-то*** *происходит* ***не то****, первым делом хватаются за санкции* — намек на многочисленные примеры незаконной санкционной политики в отношении стран, не входящих в коалицию, возглавляемую США // *Франция сделала 7 мая свой выбор, и мы с уважением относимся к решению французских избирателей. ...Как вы знаете, в последние годы не по нашей вине была приостановлена деятельность* ***некоторых институтов двустороннего сотрудничества*** — намек-*указание* на приостановку деятельности Большой российско-французской межпарламентской комиссии, формата два плюс два — совместные встречи министров иностранных дел и обороны.

Другим способом создания намека является употребление видоизмененных прецедентных высказываний, крылатых выражений, отсылающих к контекстам и ситуациям, помогающим восстановить имплицитный компонент. Например, в высказывании *На эту* ***«особенность» борьбы с терроризмом по-американски*** *мы неоднократно указывали ... как на яркий пример проявления «двойных стандартов» в антитерроре,* где словосочетание ***«особенность» борьбы с терроризмом по-американски*** (сравните с прецедентными высказываниями «*охота по-русски», «любить по-русски», «баня по-русски*» — прим. автора) содержит достаточно прозрачный критический намек на то, что «с международным терроризмом в Сирии борется РФ «вместе с самими сирийцами, а американцы борются с ИГИЛ» (Смотрите в этой связи Интервью директора Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России И. И. Рогачева агентству «Интерфакс», 4 августа 2017 года // http://www.mid.ru/web/guest/vistupleniya_rukovodstva_mid/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2832521, где г-н И. И. Рогачев отмечает: «*Вспомните, президент Б. Обама сформировал не «антитеррористическую», а именно антиигиловскую коалицию и назначил своего спецпредставителя в целях политической поддержки ее действий*»).

Способами выражения тактики собственно умолчания и умолчания-намека в публичной форме дипломатического дискурса являются: недоговаривание конца фразы, употребление неопределённых местоимений, имен существительных и атрибутивных конструкций с неопределенной и обобщающей

семантикой, видоизмененных прецедентных высказываний, а также метафорическое контекстно обусловленное употребление глаголов. Каждый из способов имплицирует определенный компонент смысла высказывания, позволяя говорящему (дипломату) в ходе профессионального общения избегать прямого указания на конкретных лиц, факты, ситуации, тем самым следуя основополагающим принципам дипломатического общения: некатегоричность, корректность, сдержанность, бесконфликтность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики.— 2010 — № 1.

2. Вебер Е. А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. А. Вебер.— Иркутск, 2004.— 18 с.

3. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е. В. Клюев.— М.: 2002. 314 с.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс.— М.: УРСС.— 2002.— 284 с.

5. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. … док. фил. наук.— Саратов, 2005.— 325с.

6. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) / С. С. Тахтарова // Автореф. … канд. фил. наук.— Волгоград, 2010.— 40 с.

7. Иванян Е. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке / Е. Иванян // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica.— 2015.— № 11.— С. 49—56.— Режим доступа: http://docplayer.ru/43680550-Znachenie-umolchaniya-kak-funkcionalno-semanticheskaya-kategoriya.html (дата обращения 31.08.2017)

8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова.— М.: Советская энциклопедия, 1966.— 608 с.

9. Большой толковый словарь русского языка.— СПб.: Норинт, 2000.— 1536 с.

10. Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог-2004» / И. Б. Шатуновский.— М., 2004.— С. 666—670.

11. Баранов А. Н. Намек как способ косвенной передачи смысла / А. Н. Баранов // Труды международной конференции «Диалог 2006».— М., 2006.— С. 46—50.

12. Артемова И. Ю. Намек в русском устном межличностном дискурсе: прагмасемантический аспект / // Дис. … канд. фил. наук.— СПб, 2014.— 175 с.

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Кукатова О. А., доцент кафедры русской филологии

E-mail: kukatova.olga@mail.ru

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

Kukatova O. A., Associate Professor of the Russian Philology Department

E-mail: kukatova.olga@mail.ru